

The history of the United States of America is a story of growth and change. It begins with the first settlers, who came to the New World in search of a better life. They found a land of opportunity, but also a land of challenge. The early years were marked by struggle and hardship, but the spirit of the pioneers was strong. They built a nation that was based on the principles of liberty and justice for all. Over the years, the United States has grown from a small colony to a great power. It has faced many challenges, but it has always emerged stronger and more united. The story of the United States is a story of hope and achievement. It is a story that inspires us to strive for a better future for ourselves and for our country.

ИЗ РУКОПИСИ К. МАРКСА «КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ»

(Черновой набросок 1857—1858 годов)

В свое время журнал «Вестник древней истории» (см. № 1 за 1940 г.) напечатал часть рукописи Маркса, опубликованной впервые в журнале «Пролетарская революция» (см. № 3 за 1939 г.) под названием «Формы, предшествующие капиталистическому производству». Рукопись в целом (ее объем — более 50 п. л.) была подготовлена Марксом в период с октября 1857 г. по май 1858 г. и работа над нею прервалась из-за его болезни. Рукопись представляла собой первый набросок «Капитала».

В настоящее время Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС prepares (впервые) русское издание этой рукописи под общим названием «Критика политической экономии» (это заглавие дано самим Марксом на обложке последней из семи тетрадей, содержащих рукопись. К заглавию добавляются в скобках слова: «Черновой набросок 1857—1858 годов», взятые из письма Маркса к Энгельсу от 29 ноября 1858 года). На протяжении последних лет журнал «Вопросы философии» печатает отдельные фрагменты из названной выше рукописи Маркса. Эти публикации готовятся также Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

В данном номере ВДИ мы даем перепечатку одной из публикаций*. Желательность и даже необходимость такой перепечатки в нашем журнале диктуется следующими соображениями. Опубликованный в свое время раздел большой рукописи Маркса под заглавием «Формы, предшествующие капиталистическому производству» имел огромное значение для советских историков, для теоретического осмысления и разработки ряда важнейших проблем древней истории. Поэтому мы выбираем сейчас из опубликованных за последнее время новых фрагментов труда Маркса тот, который в самой рукописи непосредственно предшествует вышеназванному разделу.

Мы не сомневаемся, что избранный нами фрагмент также представляет огромный теоретический интерес для советских исследователей древности. Ибо Маркс здесь впервые исследует процесс первоначального накопления капитала, анализирует исторические предпосылки капитала и их отношение к уже сложившемуся капиталистическому способу производства. Все исследование ведется на основе живых и плодотворных сопоставлений с докапиталистическими формами, как, например: «Признание продуктов труда своими собственными продуктами и оценка отделения труда от

* «Вопросы философии», 1966, № 10.

условий его существования как несправедливого, насильственного, свидетельствует об огромной сознательности, являющейся продуктом способа производства, основанного на капитале, и точно так же служит похоронным звоном, предвещающим гибель этого способа производства, как с появлением у раба сознания того, что он *не может быть собственностью третьего лица*, с появлением у него осознания себя личностью, рабство влачит уже только искусственное существование и не может больше служить основой производства».

В данном случае мы ограничимся этим единственным примером. Но совершенно бесспорно, что глубокие мысли и наблюдения Маркса, рассыпанные в публикуемых ныне фрагментах его фундаментальной рукописи, должны быть использованы при изучении ряда вопросов, связанных с характеристикой особых, специфических черт того способа (или способов) производства, который господствовал в древних обществах.

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ НАКОПЛЕНИЕ КАПИТАЛА

[а) Исторические предпосылки капитала и их отношение к уже существующему капиталистическому производству]

Если уж предположено производство, основанное на капитале, — (собственно говоря, деньги превратились в капитал лишь *в конце первого процесса производства*, результатом которого были воспроизводство капитала и новое производство добавочного капитала I; однако сам добавочный капитал I только в том случае *полагается*, реализуется как добавочный капитал, когда он произвел добавочный капитал II, т. е. когда исчезли находящиеся еще вне движения *действительного* капитала предпосылки денег, превращающихся в капитал, и поэтому капитал сам, соответственно своей имманентной сущности, фактически полагает те условия, из которых он исходит в процессе производства), — то в этом случае условие, что капиталист, для того чтобы стать капиталом, должен привнести в обращение [IV—46] стоимости, созданные его личным трудом или каким-нибудь другим способом (но только не уже наличным, прошлым наемным трудом), это условие относится к допотопным условиям капитала, к его *историческим предпосылкам*, которые в качестве такого рода *исторических предпосылок* уже изжили и поэтому принадлежат к *истории образования капитала*, но отнюдь не к его *современной истории*, то есть они не относятся к действительной системе подчиненного ему способа производства.

Если, например, бегство крепостных в города является одним из *исторических* условий и предпосылок городского строя, то оно вовсе не является *условием*, реальным моментом развитого городского строя, а принадлежит к его *минувшим предпосылкам*, к тем предпосылкам становления городского строя, которые в его бытии уже сняты. Условия и предпосылки становления, возникновения капитала предполагают как раз то, что капитал еще не существует, а только лишь *становится*: следовательно, они исчезают при действительном капитале, при том капитале, который, исходя из собственной действительности, сам полагает условия своего собственного осуществления. Так, например, если при первоначальном становлении денег, или для-себя-сущей стоимости, капиталом предпосылкой является определенное накопление со стороны капиталиста (пусть даже путем экономии продуктов и стоимостей и т. д., созданных его собственным трудом), которое он осуществил, будучи *некапиталистом*, если, таким образом, предпосылки становления денег капиталом являются

данными внешними *предпосылками* возникновения капитала, — то капитал, ставший таковым, создает свои собственные предпосылки, а именно: обладание реальными условиями для создания новых стоимостей *без обмена*, посредством своего собственного процесса производства.

Эти предпосылки, которые первоначально выступали в качестве условий становления капитала и поэтому еще не могли вытекать из его деятельности как *капитала*, теперь являются результатами его собственного осуществления, *полагаемой* им действительности, являются *не условиями возникновения капитала, а результатами его бытия*. Для своего становления капитал больше не исходит из предпосылок, но он сам предпослан и, исходя из самого себя, сам создает предпосылки своего сохранения и роста. Поэтому условия, предшествовавшие созданию добавочного капитала I, или условия, выражающие становление капитала не относятся к сфере того способа производства, предпосылкой которого является капитал, а пройдены капиталом как предварительные исторические этапы его становления, подобно тому как те процессы, посредством которых Земля из состояния огненного и парообразного моря перешла в свою теперешнюю форму, находятся за пределами жизни сформировавшейся Земли. Это означает, что отдельные капиталы все еще могут возникать, например, посредством накопления запасов. Однако накопленный запас может быть превращен в капитал только посредством эксплуатации труда.

Буржуазные экономисты, рассматривающие капитал как вечную и *естественную* (а не историческую) форму производства, затем снова стараются оправдать капитал, выдавая условия его становления за условия его теперешнего осуществления; иными словами, те моменты, при которых капиталист еще присваивает себе что-нибудь в качестве некапиталиста — так как он еще только становится капиталистом, — буржуазные экономисты выдают за те условия, при которых он присваивает себе нечто уже *в качестве капиталиста*. Эти попытки апологетики говорят только о нечистой совести и о бессилии привести в соответствие с *общими законами собственности*, провозглашенными самим капиталистическим обществом, способ присвоения, применяемый капиталом как таковым.

С другой стороны, что для нас гораздо важнее, наш метод показывает те пункты, где должно быть включено историческое рассмотрение предмета, то есть те пункты, где буржуазная экономика, являющаяся всего лишь исторической формой процесса производства, содержит выходящие за ее пределы указания на более ранние исторические способы производства. Поэтому, для того чтобы раскрыть законы буржуазной экономики, нет необходимости писать *действительную историю производственных отношений*. Однако правильное рассмотрение и выведение этих производственных отношений как исторически сложившихся отношений всегда приводят к таким первым уравнениям, которые — подобно эмпирическим числам, например, в естествознании — указывают на прошлое, существовавшее до этой системы. Эти указания наряду с правильным пониманием современности дают в таком случае также и ключ к пониманию прошлого: это самостоятельная работа, к которой тоже мы надеемся еще приступить. С другой стороны, это правильное рассмотрение приводит к пунктам, где намечается уничтожение современной формы производственных отношений и в результате этого вырисовываются первые шаги преобразующего движения по направлению к будущему. Если, с одной стороны, добуржуазные фазы являются *только лишь историческими*, то есть уже устраненными предпосылками, то современные условия производства выступают как *устраняющие самих себя*, а потому — как

такие условия производства, которые полагают *исторические предпосылки* для нового общественного строя.

Теперь рассмотрим прежде всего уже установившееся отношение: ставшую капиталом стоимостью и живой труд как всего лишь противостоящую капиталу потребительную стоимость, так что живой труд является всего лишь средством для того, чтобы увеличить стоимость овещественного, мертвого труда, вдохнуть в него живую душу, но утратить при этом свою собственную душу и в качестве результата произвести создаваемое им богатство как чужое богатство, а как свою собственность — только нищету живой рабочей силы; в этом случае дело сводится просто к тому, что в самом процессе и посредством него реальные вещные условия живого труда (а именно материал, в котором происходит увеличение стоимости, орудие, посредством которого увеличивается стоимость [IV—47] и жизненные средства, которые должны раздуть пламя живой рабочей силы и побудить ее к труду, не давая ей погаснуть, доставляя необходимые для ее жизненного процесса вещества) полагаются как чужие самостоятельные сущности или как способы существования *чужой личности*, как нечто противостоящее живой рабочей силе, которая также изолирована от них и субъективна, — полагаются как прочно обособившиеся для-себя-сущие стоимости, а потому как стоимости, образующие богатство, чуждое живой рабочей силе, богатство капиталиста.

Объективные условия живого труда выступают как *отделившиеся самостоятельные* стоимости по отношению к живой рабочей силе как субъективному наличному бытию, которая поэтому по отношению к объективным условиям также является только стоимостью *другого рода* (она отличается от них не как стоимость, а как потребительная стоимость). Если это разделение однажды выступает как предпосылка, то процесс производства может только производить вновь, воспроизводить это разделение, причем воспроизводит его в большем масштабе. Каким образом процесс производства осуществлять это, мы уже видели. Объективные условия живой рабочей силы предпосланы как самостоятельное по отношению к ней существование, как объективность отличного от живой рабочей силы и противостоящего ей субъекта; поэтому воспроизводство и *увеличение стоимости*, то есть расширение этих *объективных условий* является вместе с тем воспроизводством и новым производством их в качестве богатства чужого субъекта, безразлично и самостоятельно противостоящего рабочей силе. Воспроизводится и производится вновь не только *наличное бытие* этих объективных условий живого труда, но и их *наличное бытие как самостоятельных, то есть принадлежащих чуждому субъекту стоимостей, в противовес этой живой рабочей силе*.

Объективные условия труда приобретают по отношению к живой рабочей силе субъективное существование: из капитала возникает капиталист; с другой стороны, всего лишь субъективное существование рабочей силы по отношению к ее собственным условиям придает ей всего лишь безразличную объективную по отношению к этим условиям форму: рабочая сила является всего лишь *стоимостью*, обладающей особенной потребительной стоимостью, *наряду* с собственными условиями ее использования как *стоимостями*, обладающими другой потребительной стоимостью. Вместо того, чтобы эти условия реализовались в процессе производства в качестве условий осуществления рабочей силы, рабочая сила, наоборот, выходит из процесса производства как всего лишь условие увеличения и сохранения *их* стоимости в качестве для-себя-сущей стоимости, противостоящей рабочей силе.

Материал, обрабатываемый рабочей силой, есть *чужой* материал, точно так же орудие есть *чужое* орудие; труд рабочего является только

придатком к материалу и орудию как к субстанции, и поэтому он овеществляется в том, что *ему* не принадлежит. Даже сам живой труд является *чужим* по отношению к живой рабочей силе, будучи вместе с тем ее трудом, проявлением ее собственной жизни, так как труд передан капиталу взамен овеществленного труда, взамен продукта самого труда. Рабочая сила относится к труду как к чему-то чужому, и если бы капитал готов был ее оплачивать, *не* заставляя работать, она с удовольствием пошла бы на такую сделку. Таким образом, ее собственный труд ей столь же чужд, — а он чужд ей также и по тому, кто им управляет, и т. д., — как материал и орудие. Поэтому и продукт тоже является для рабочей силы комбинацией чужого материала, чужого орудия и чужого труда, то есть *чужой собственностью*, и после процесса производства рабочая сила стала лишь беднее в размере израсходованной жизненной энергии; затем она снова принимается за свою тягостную работу в качестве чисто субъективной способности к труду, отделенной от своих жизненных условий.

Признание продуктов труда своими собственными продуктами и оценка отделения труда от условий его существования как несправедливого, насильственного, свидетельствует об огромной сознательности, являющейся продуктом способа производства, основанного на капитале, и точно так же служит похоронным звоном, предвещающим гибель этого способа производства, как с появлением у раба сознания того, что он *не может быть собственностью третьего лица*, с появлением у него осознания себя личностью, рабство влачит только искусственное существование и не может дальше служить основой производства.

Если мы, напротив, рассмотрим то первоначальное отношение, которое предшествует вступлению денег в процесс самовозрастания стоимости, то перед нами выступают различные условия, которые должны были возникнуть исторически, или должны были быть даны для того, чтобы деньги стали капиталом, а труд — полагающим капитал, создающим капитал наемным трудом. (*Наемный труд*, который берется здесь в том строго экономическом смысле, в каком мы только и употребляем этот термин, — а нам надо будет впоследствии различать наемный труд в строго экономическом смысле и другие формы труда [свободных] поденщиков и т. д., — есть труд, полагающий капитал, производящий капитал, то есть такой живой труд, который и предметные условия своего осуществления в качестве деятельности и объективные моменты своего существования в качестве *способности к труду* производит в виде чуждых сил, противостоящих ему самому, в виде *для-себя сущих, независимых от него стоимостей*).

Существенные условия даны в самом отношении, даны так, как это отношение выступает первоначально: 1) на одной стороне наличие живой рабочей силы как всего лишь *субъективного* существования, отделенного от моментов его объективной действительности, то есть отделенного, как от *условий* живого труда, так и от *средств существования, жизненных средств*, средств самосохранения *живой рабочей силы*; живая возможность труда в этой полной абстрактности — на одной стороне; 2) находящаяся на другой стороне стоимость, или овеществленный труд, должна представлять собой накопление потребительных стоимостей, достаточно большое для того, чтобы доставить предметные условия не только для производства продуктов или стоимостей, необходимых для воспроизводства живой рабочей силы, или сохранения ее; но и для поглощения прибавочного труда, доставить [IV—48] объективный материал для прибавочного труда; 3) свободное отношение обмена — обращение денег — между обеими сторонами; основанное на меновых стоимостях, а не на отношениях господства и кабалы, отношение между двумя по-

люсами, то есть, стало быть, такое производство, которое доставляет производителю жизненные средства не непосредственно, а через посредство обмена, и, кроме того, не может непосредственно овладеть чужим трудом, а вынуждено покупать его у самого рабочего, выменивать его, наконец; 4) одна из сторон, — та, которая представляет предметные условия труда в форме самостоятельных, для-себя-сущих стоимостей, — должна выступать как *стоимость* и считать конечной целью не непосредственное потребление или созидание потребительной стоимости, а полагание стоимости, самовозрастание стоимости, делание денег.

Пока обе стороны обменивают между собой свой труд только в форме *овеществленного* труда, подобное отношение невозможно; оно невозможно также в и том случае, если *живая рабочая сила* сама является собственностью другой стороны, то есть не является обменивающейся стороной. (Этому не противоречит то, что в рамках буржуазной системы производства возможно в отдельных пунктах рабство. Но оно возможно в этих условиях лишь потому, что оно не существует в других пунктах, а в самой буржуазной системе является аномалией.)

Те условия, при которых первоначально выступает это отношение, которые, стало быть, представляют собой исторические предпосылки его становления, обнаруживают с первого же взгляда свой двойственный характер: на одной стороне — разложение более низких форм живого труда, на другой — разложение отношений более благоприятных [для непосредственных производителей].

Прежде всего выступает первая предпосылка об устранении отношения рабства или крепостничества. Живая способность к труду принадлежит себе самой и располагает посредством обмена своим собственным проявлением силы. Обе стороны противостоят друг другу как личности. *Формально* отношение между ними есть отношение равных и свободных участников обмена.

То обстоятельство, что эта форма есть *видимость* и *обманчивая видимость*, выступает при рассмотрении юридического отношения как нечто такое, что лежит *за рамками* этого отношения. То, что продает свободный рабочий, всегда является только определенной, особой мерой проявления силы; рабочая сила рабочего как нечто целостное стоит над всяким особым ее проявлением. Рабочий продает особое проявление силы отдельному капиталисту, которому он независимо противостоит как *единой личности*. Ясно, что не в этом состоит его отношение к существованию капитала как такового, то есть к классу капиталистов. Однако именно так обстоит дело с отдельной, действительной личностью [с отдельным капиталистом]: рабочему в этом случае предоставлен широкий простор для выбора, произвола, а следовательно, предоставлена *формальная* свобода. В условиях рабства работник принадлежит *отдельному особому* собственнику, являясь его рабочей машиной. Как совокупность проявлений силы, как рабочая сила, он является вещью, принадлежащей другому; и поэтому он относится к особому проявлению своей силы, то есть к своей живой трудовой деятельности, не как субъект. В условиях крепостной зависимости работник является моментом самой земельной собственности, наравне с рабочим скотом является придатком к земле. В условиях рабства работник есть не что иное, как живая рабочая машина, которая поэтому обладает стоимостью для других или, вернее, есть стоимость. Для свободного рабочего вся его рабочая сила сама выступает как его собственность, как один из его моментов, который он охватывает в качестве субъекта и который он сохраняет, отчуждая его. Это следует более подробно рассмотреть впоследствии в связи с наемным трудом.

[6) Личные услуги как противоположность производительного наемного труда]

Обмен овеществленного труда на живой труд еще не конституирует ни капитала на одной стороне, ни наемного труда — на другой. Весь класс так называемых *слуг*, начиная с чистильщика сапог и кончая королем, относится к этой категории. Сюда же относится и свободный поденщик, которого мы спорадически встречаем повсюду, где либо азиатская община, либо западная община, состоящая из свободных собственников земли, распадается на отдельные элементы вследствие роста населения, вследствие отпуска на волю военнопленных, вследствие всякого рода случайностей, из-за которых отдельный человек беднеет и утрачивает объективные условия своего самодовлеющего труда, вследствие разделения труда и т. д.

Если *A* обменивает какую-нибудь стоимость или деньги, стало быть овеществленный труд, с тем чтобы получить от *B* какую-нибудь услугу, стало быть живой труд, то это может принадлежать:

1) К *отношению простого обращения*. Оба, на самом деле, обмениваются между собой только потребительными стоимостями; один — жизненными средствами, другой — трудом, услугой, которую хочет потребить первый; или это непосредственно оказываемая личная услуга или же один дает другому материал и т. д., с помощью которого тот посредством своего труда, посредством овеществления своего труда создает потребительную стоимость, предназначенную для потребления первого. Это происходит, например, в том случае, если крестьянин берет к себе в дом бродячего портного, какие встречались раньше, и дает ему материал для шитья одежды. Или в том случае, если я даю врачу деньги с тем, чтобы привести в порядок свое здоровье. В этих случаях важно то, что всякий раз — это услуга, которую оказывают друг другу оба. «*Do ut facias*» стоит здесь совершенно наравне с «*facio ut des*» или с «*do ut des*».

Человек, который шьет мне из сукна одежду, для чего я предоставляю ему материал, дает мне потребительную стоимость. Но вместо того чтобы сразу дать ее в предметной форме, он дает ее в форме деятельности. Я даю ему одну готовую потребительную стоимость, а он изготовляет для меня другую. Различие между прошлым, овеществленным трудом и живым, теперешним трудом выступает здесь как всего лишь формальное различие во времени совершения труда; один труд был совершен в прошедшем времени, а другой совершается в настоящее время. И действительно, всего лишь формальным различием, вытекающим только из разделения труда и обмена, представляется то, производит ли *B* сам те съестные припасы, за счет которых он должен существовать, или же он получает их от *A* и, вместо того чтобы непосредственно производить съестные припасы, производит одежду, взамен которой он получает съестные припасы от *A*. В обоих случаях он может овладеть принадлежащими *A* потребительными стоимостями только в том случае, если даст ему взамен эквивалент, который в последней инстанции всегда сводится к его собственному живому труду, какую бы овеществленную форму тот ни принял, будь то до того как совершен обмен или вследствие этого обмена. Теперь одежда содержит в себе не только определенный труд, придающий ей форму, — определенную форму пригодности, придаваемую сукну процессом труда, — но она содержит в себе также и некоторое определенное количество труда, стало быть содержит не только потребительную стоимость, но и *стоимость* вообще, *стоимость* как таковую. Но эта стоимость не существует для *A*, так как он потребляет одежду, а не торгует ею. Следовательно, в обмен на свои съестные припасы он полу-

чил труд не в качестве труда, *создающего стоимость*, а в качестве деятельности, создающей полезность, потребительную стоимость.

[IV—49]. При оказании личных услуг эта потребительная стоимость потребляется как таковая, не переходя при этом из формы движения в форму вещи. Если, как это часто имеет место в примитивных условиях, оказывающий услугу получает не *деньги*, а непосредственно сами потребительные стоимости, то отпадает даже видимость того, будто здесь для той или другой стороны имеют значение *стоимости* в отличие от потребительных стоимостей. Но даже если предположить, что А оплачивает услугу деньгами, то это — не превращение его денег в капитал, а наоборот, полагание денег как всего лишь средства обращения, предназначенного для приобретения предмета потребления, определенной потребительной стоимости. Поэтому этот акт и не является актом, производящим богатство, а, наоборот, есть акт, потребляющий богатство. Для А дело здесь заключается вовсе не в том, что труд [портного В] как таковой, некоторое рабочее время, следовательно *стоимость*, объективируется в сукне, а в том, что удовлетворяется определенная его потребность. Когда А переводит свои деньги из формы стоимости в форму потребительной стоимости, то деньги его не *увеличиваются*, а *уменьшаются*. Труд обменивается здесь не как потребительная стоимость для производства стоимости, а как сама особенная потребительная стоимость, как стоимость для потребления. Чем чаще А повторяет обмен, тем больше он беднеет. Этот обмен не является для него актом *обогащения*, не является актом *созидания стоимости*, а есть акт *обесценения* имеющихся в наличии, находящихся в его владении стоимостей. Деньги, которые здесь А обменивает на живой труд, — на натуральную услугу или услугу, объективирующуюся в какой-нибудь вещи, — представляют собой не *капитал*, а *доход*, деньги как средство обращения, необходимые для получения потребительной стоимости, деньги, у которых форма стоимости выступает как всего лишь мимолетная, а не те деньги, которые посредством покупки труда хотят сохраниться как таковые и увеличить свою стоимость. Обмен *денег как дохода*, как всего лишь средства обращения, на живой труд никак не может превратить деньги в капитал, а следовательно, никак не может превратить труд в наемный труд в экономическом смысле.

Не требует подробных объяснений то обстоятельство, что потреблять (расходовать) деньги не значит производить деньги. В условиях, когда большая часть прибавочного труда является земледельческим трудом и поэтому земельный собственник является собственником как прибавочного труда, так и прибавочного продукта, — именно доход земельного собственника образует рабочий фонд для свободных рабочих, для промышленных рабочих (здесь имеются в виду ремесленники) в противовес сельскохозяйственным рабочим.

Обмен с ремесленниками есть одна из форм потребления земельного собственника, который другую часть своего дохода непосредственно распределяет взамен личных услуг, часто всего лишь видимости услуг, среди своры прихлебателей. В азиатских обществах, где монарх является исключительным обладателем прибавочного продукта страны, в результате обмена его дохода с *free hands*, как их называет Стюарт, возникают целые города, которые *au fond* представляют собой не что иное, как бродячие лагеря. Это отношение, несмотря на то, что оно *может*, хотя и не обязательно *должно*, составлять противоположность к рабству и крепостничеству, не имеет ничего общего с наемным трудом, так как оно неизменно повторяется при различных формах общественной организации труда. Если этот обмен осуществляется при посредстве *денег*, то определение цены становится важным для обеих сторон, но для А — лишь в

той мере, в какой он не хочет чересчур дорого заплатить за создаваемую трудом *потребительную стоимость*, а не потому, что для него имеет значение создаваемая трудом *стоимость*. Оттого, что эта цена, первоначально скорее условная и традиционная, постепенно все более и более начинает определяться экономически, сначала — посредством соотношения между спросом и предложением, а в конце концов — теми издержками производства, с помощью которых можно создать самих продавцов подобного рода живых услуг, — от этого отношение по существу не меняется, ибо и в этом случае, как и раньше, определение цены остается всего лишь формальным моментом обмена простых потребительных стоимостей. Но само это определение цены порождается другими отношениями, общими законами господствующего способа производства, осуществляющимися как бы за спиной этого особенного менового акта, и самоопределением господствующего способа производства.

Одной из форм, в которой впервые в древних обществах выступает этот вид оплаты, является *армия*. Жалованье рядового солдата тоже сводится к минимуму, определяется только теми издержками производства, которые необходимы для его воспроизводства. Но то, на что он обменивает свою службу, является государственным доходом, а не *капиталом*.

В самом буржуазном обществе к этой рубрике, к этой категории относится всякий обмен личных услуг на доход (сюда относятся также работа для личного потребления, приготовления пищи, шитье и т. д., работа садовника и т. д., вплоть до всех непроизводительных классов, государственных служащих, врачей, адвокатов, ученых и т. д.). Сюда относятся все домашние слуги и т. д. Все эти работники, от низшего до высшего, обеспечивают себе посредством оказываемых ими услуг — часто навязываемых ими — некоторую долю в прибавочном продукте, в *доходе* капиталиста. Но никому не придет в голову утверждать, что посредством обмена своего дохода на такого рода услуги, т. е. посредством своего личного потребления, капиталист полагает себя в качестве капитала. Наоборот, в результате такого обмена он расходует плоды своего капитала. Оттого, что пропорции, в которых доход обменивается на подобного рода живой труд, сами определяются общими законами производства, в природе рассматриваемого отношения ничего не меняется.

Наоборот, как мы уже упоминали об этом в Главе о *деньгах*, стоимость здесь, собственно говоря, полагает оказывающую услугу, потребительную стоимость — определенный вид труда, услуги и т. д. — он обменивает на *стоимость*, на *деньги*. Поэтому в средние века, отчасти в противоположность потребляющей земельной аристократии, стремление к производству и накоплению денег исходило от этой стороны, от представителей живого труда; они накапливали и делались таким образом *буржуа* капиталистами для более позднего периода. Часть отпущенных на волю крепостных становится капиталистами.

Поэтому оплачивается ли получающий жалованье как поденщик, или же он получает гонорар, или оплачивается по цивильному листу, — зависит не от отношения вообще, а от природного особенного качества оказываемой услуги, а также от того, знатнее или ничтожнее представляется он по сравнению с тем, кто оплачивает его услугу.

Если предпосылкой является капитал в качестве господствующей силы, то все эти отношения, конечно, более или менее *обесцениваются*. Но это сюда еще не относится, — это *развенчивание* личных услуг, какой бы возвышенный характер ни придавала им традиция и т. д.

Таким образом, не просто обмен *овеществленного труда* на *живой труд*, — оба вида труда представляют собой здесь два различных опре-

деления, две потребительных стоимости в различных формах, один труд как определение в объективной форме, другой в субъективной форме, — конституирует капитал, а следовательно, и наемный труд, а обмен овеществленного труда как *стоимости*, прочно обособившейся стоимости, на живой труд, являющийся для нее потребительной стоимостью, потребительной стоимостью, рассчитанной не на определенное личное использование или потребление, а потребительной стоимостью, предназначенной для создания *стоимости*.

[IV—50] При обмене денег на труд или на услугу для непосредственного потребления всегда имеет место действительный обмен. То обстоятельство, что обе стороны обменивают определенные *количества труда*, представляет только *формальный* интерес для того, чтобы измерить *особенные* формы полезности труда, сопоставить их между собой. Это касается только *формы* обмена, но не образует его *содержания*. При обмене капитала на труд *стоимость* представляет собой не мерило для обмена двух потребительных стоимостей, а само *содержание* обмена.

2) В эпоху разложения *добуржуазных* отношений спорадически выступают свободные рабочие, услуги которых покупаются не в целях потребления, а в целях *производства*; но, *во-первых*, даже в большом масштабе это имеет место только для производства *непосредственных* потребительных стоимостей, а не *стоимостей*; а *во-вторых*, если, например, дворянин присоединяет к своим крепостным вольнонаемного рабочего и продает часть созданного этим рабочим продукта, причем этот вольнонаемный рабочий создает для него *стоимость*, то этот обмен касается только избытка и происходит только в интересах избытка, в интересах *потребления предметов роскоши*; следовательно, он *au fond* представляет собой всего лишь замаскированную покупку чужого труда для непосредственного потребления, то есть покупку этого труда в качестве потребительной стоимости. Впрочем, там, где число этих свободных рабочих возрастает и это отношение становится более распространенным, — происходит разложение старого способа производства: общины, патриархального, феодального и т. д., и подготавливаются элементы действительного наемного труда. Однако эти свободные работники могут также появляться, как это было, например, в Польше и т. д., и опять исчезать, не изменяя при этом способа производства.

* * *

Для того, чтобы те отношения, в которые вступают капитал и наемный труд, выразить как *отношения собственности* или ее *законы*, нам нужно только выразить отношение обеих сторон в *процессе увеличения стоимости* в виде *процесса присвоения*. Например, то, что прибавочный труд полагается в качестве прибавочной стоимости капитала, означает, что рабочий не присваивает продукт своего собственного труда, а этот продукт выступает для него как *чужая собственность* и что, наоборот, *чужой труд* выступает как собственность капитала. Этот второй закон буржуазной собственности, в который переходит первый закон [закон собственности на продукт своего труда] и который посредством права наследования и т. д. получает существование, независимое от брэнности отдельных капиталистов, — признается законом наравне с первым. Первый закон есть тождество труда и собственности; во втором законе труд выступает как отрицаемая собственность или собственность — как отрицание чуждости чужого труда.

Действительно, в процессе производства капитала, как это станет еще яснее из дальнейшего рассмотрения этого процесса, труд является

некоей целостностью — комбинацией работ, — отдельные составные части которой являются чуждыми друг другу, так что совокупный труд как целостность *не* является *делом* отдельного рабочего, и даже совместным трудом различных рабочих совокупный труд как целостность является лишь постольку, поскольку рабочие не сами себя комбинируют, а комбинированы [внешней силой]. Этот комбинированный труд в его совокупности в такой же мере оказывается подчиненным чужой воле и чужой мысли и ею руководимым, имеющим свое *духовное единство* вне себя, — насколько в его материальном единстве он подчинен *предметному единству машин*, основного капитала, который как *одушевленное чудовище* об- активирует научную мысль и фактически является объединяющим элементом; но отнюдь не относится к отдельному рабочему как орудие — наоборот, рабочий существует при нем как одушевленная единичная точность, как живой изолированный придаток.

Таким образом, комбинированный труд в двойном смысле является комбинацией *an sich*; но он не представляет собой комбинации ни в смысле свободного установления отношений друг к другу совместно работающих индивидов, ни в смысле их господства над их особенными или отдельными функциями и над орудием труда. Поэтому если рабочий относится к продукту своего труда как к чужому, то и к комбинированному труду он относится как к чужому; то же самое имеет место и в отношении собственного труда рабочего, который он хотя и считает ему принадлежащим, но чужим для него, вынужденным проявлением жизни, которое поэтому характеризуется А. Смитом и другими как *бремя*, *жертва* и т. д. Сам труд, так же как и его продукт, *отрицается как труд особого, изолированного рабочего*. Труд, отрицаемый как изолированный труд, на самом деле является утверждаемым общественным или комбинированным трудом. Однако утверждаемый таким образом *общественный или комбинированный труд*, как в состоянии деятельности, так и перейдя в неподвижную форму объекта, непосредственно выступает вместе с тем как нечто другое по отношению к действительно существующему единичному труду, — выступает и как *чужая объективность* (чужая собственность), и как *чужая субъективность* (субъективность капитала). Следовательно, и труд, и его продукт представлены капиталом в виде отрицаемого изолированного труда отдельного рабочего, а потому и в виде отрицаемой собственности этого рабочего. Поэтому капитал есть существование общественного труда, его комбинация и как субъекта, и как объекта, но это существование самостоятельно выступает в противоположность действительным моментам труда, и следовательно, само фигурирует наряду с ними как *особое* существование. Поэтому капитал, со своей стороны, выступает в качестве захватывающего субъекта и собственника *чужого труда*, а само его отношение является таким же абсолютным противоречием, как и отношение наемного труда [IV—50].
